

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

IV¹⁾.

Жизнь во Владычнемъ монастырѣ.—Основаніе общинъ сестеръ милосердія.—Участіе въ этомъ Митрофаніи и ея дѣятельность.—Дѣло Солодовникова.—Обвиненіе Митрофаніи въ подлогѣ векселей.—Арестъ и отправленіе ея въ Петербургъ.—Допросы.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Посѣщеніе Тихвина.—Прибытіе въ Москву.—Судъ и обвиненіе.—Вторичный отъѣздъ въ Петербургъ.—Ставрополь Кавказскій назначенъ мѣстомъ жительства Митрофаніи.

В

се шло тихо и мирно, когда поступилъ 1873 годъ. Я встрѣтила его и проводила старый съ дорогими мнѣ сестрами Владычней обители; съ ними мнѣ было отрадно и хорошо, лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ десятомъ часу вечера въ мою дорогу обитель стекался народъ на молитву.

Спасскій храмъ былъ освященъ; въ моей спальнѣ, кабинетѣ, гостиной и во всѣхъ прочихъ келіяхъ, также и на галлерей теплilись лампы, мирнымъ и тихимъ свѣтомъ. Все вокругъ меня говорило: «молись, благодари Господа за прошедшее, благодари за настоящее и уповай на его милосердіе въ будущемъ».

Я въ это время сидѣла предъ моимъ письменнымъ столомъ, противъ висѣвшаго на стѣнѣ большаго Распятія, моей работы, и много много разныхъ думъ волновали мою душу. Мнѣ было радостно, что я дома и грустно, что чрезъ нѣсколько дней я должна ѣхать въ Москву

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1902 г.

съ отчетами. На столѣ моемъ лежалъ № 358 «Современныхъ извѣстій», въ которомъ напечатана была замѣчательная по своему ложному съ начала до конца содержанію статья г. Плевако ¹⁾....

¹⁾ По поводу гражданскаго иска, возбужденнаго игуменъею Митрофаніею противъ Солодовниковыхъ. Такъ какъ авторъ записокъ основываетъ на этой статьѣ дальнѣйшій рассказъ, но не приводитъ ея содержанія, то для уясненія событій, редація считаетъ необходимымъ привести краткое содержаніе статья г. Плевако.

„Возбужденное дѣло, говоритъ онъ, между Солодовниковымъ и Митрофаніею идетъ о жизни и смерти дѣлаго благосостоянія; о томъ, былъ ли, благодаря своему личному, сорокалѣтнимъ трудомъ нажитому, состоянію съ присоединеніемъ доставшагося по наслѣдству отъ брата, достаточнымъ человекомъ и виднымъ промышленнымъ дѣятелемъ края или, буквально, сдѣлаться нищимъ, благодаря настойчиво требуемому на благо православнаго храма пожертвованію....

„Солодовниковъ, какъ говорятъ, былъ скопецъ. То, что онъ находился на свободѣ и былъ полноправнымъ гражданиномъ, было послѣдствіемъ милости высшаго правительства. Въ 1870 году возникло повсемѣстное преслѣдованіе скопчества во всѣхъ его видахъ. На Солодовникова пало подозрѣніе въ принадлежности къ скопчеству и распространенію секты. Съ 1870 года по 7-е января 1871 года онъ еще пользовался свободой; съ этого дня былъ заключенъ въ Пречистенскій Частный домъ.

„Обвинительная власть наша возможнымъ преслѣдовать его лишь въ принадлежности къ сектѣ и въ притондержательствѣ скопцовъ. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ обвинительный актъ и врученъ, по утвержденіи палатою, Михаилу Герасимовичу Солодовникову.

„Первый вердиктъ присяжныхъ, строго взглянувшихъ на противоположность скопецкаго ученія, поразилъ подсудимаго; онъ умеръ 3-го октября 1871 года, не дождавшисъ болѣе благоприятнаго возрѣнія Сената, по которому принадлежность къ сектѣ безъ распространенія ея и безъ самостоятельнаго преступленія „самоскопленія“, не наказуема по 203 ст. Уложенія.

„Смерть Солодовникова разоблачила слухи о многомилліонномъ состояніи его. На основаніи точныхъ описей и актовъ оказалось состоянія не болѣе 1.200.000 руб. Изъ этого состоянія, состоявшаго изъ личной собственности покойнаго, заключающейся въ недвижимости и общаго имущества, обращавшагося въ Торговомъ домѣ, надо исключить третью часть послѣдняго, какъ принадлежащую брату его Василю. И вотъ на долю М. Г. Солодовникова не приходится болѣе милліона. Я беру милліонъ, какъ приблизительную цифру; вѣрнѣе цифра его благосостоянія выражается 900.000 руб.

„И вотъ, при принятіи наслѣдства, не отягощеннаго, судя по книгамъ торговымъ и по личнымъ свѣдѣніямъ, никакими долгами, вырастаетъ долгъ матери Митрофаніи, который не только равенъ, но болѣе всего состоянія покойнаго“!

„Мать Митрофанія заявила, что Солодовниковымъ дано ей въ даръ векселей вмѣсто денегъ на 1.230.000 руб.

„Есть ли смыслъ, — писалъ Плевако, — жертвовать не только то, что имѣешь, но и то, чего не имѣешь? Есть ли смыслъ обязывать своего наслѣдника жертвовать не только то, что ему оставляешь, но и его собственность, и пускать

Я задумалась и опомнилась, когда услышала возгласъ «Владыко, благослови». Всенощная уже началась, и я едва успѣла открыть дверь въ церковь, какъ въ мою молельню вошли съ каждаемъ діакономъ и духовникъ мой отецъ Петръ. Когда они ушли, я опять притворила дверь и слушала всенощную въ моемъ уединенномъ уголкѣ, въ которомъ такъ хорошо, такъ тепло для души.

2-го января я пришла въ трапезу по первому звонку и утѣшена была тишиной и порядкомъ во время обѣда. Этому порядку, этому благочинію обязана я всецѣло наставленіямъ блаженной памяти отцу Мельхиседеку. Онъ старался внушить сестрамъ, что въ трапезѣ нужно не болтать, но съ благоговѣніемъ внимать чтенію поучительныхъ подвиговъ и страданій святыхъ. Читали житіе св. Василя Великаго. Вотъ намъ всѣмъ монахамъ примѣръ: жилъ онъ уединенно и спокойно въ пустынѣ, съ другомъ своимъ Григоріемъ Богословомъ, но когда оказалось необходимымъ ихъ служеніе церкви, когда церковь нуждалась въ трудахъ и въ борьбѣ за православіе, то они оставили свой покой, свое любимое уединеніе и принесли себя въ жертву дѣлу общественному.

При размысленіи о тѣхъ временахъ, сравнивая бывшее съ настоящимъ, къ прискорбію убѣждаюсь, что въ настоящее время начальствовать еще труднѣе. Въ тѣ времена бороться приходилось съ язычествомъ, съ людьми, которые не были просвѣщены ученіемъ Христовымъ. Нынѣ же язычниковъ въ Европѣ нѣтъ, свѣтъ Христовъ своею любовью просвѣщаетъ всѣхъ, и что же мы видимъ и слышимъ? Что мы читаемъ въ новыхъ учебникахъ, составленныхъ христіанами же для просвѣщенія нашего юношества? Читаемъ, что человѣкъ не созданъ по образу и по подобию Божію, а есть животное, произведенное постепенно улучшающеюся расою обезьяны. Вотъ до чего дошло просвѣщеніе христіанства, и не труднѣй ли теперь истинному христіанину управлять, или имѣть дѣло съ лжехристіанами, чѣмъ съ тѣми язычниками, съ которыми боролись вселенскіе учителя церкви нашей Православной. Язычники, съ которыми боролись Василій Великій и Григорій Богословъ, чувствовали, что есть Богъ, имѣя потребность молиться, поклонялись

его по міру? Смысла нѣтъ, нѣтъ разумной причины. Отсюда, по правилу, что неразумное не предполагается, наследники по совѣсти сомнѣваются въ дѣйствительности этихъ безумныхъ дареній, ищутъ причинъ, наталкиваются на вопіющія обстоятельства. Сомнѣніе точитъ ихъ душу; сомнѣніе не оставяливается ни предъ саномъ игуменъ, ни передъ ея общественнымъ положеніемъ. Нѣтъ, какъ хотите, а вѣрить трудно,—даже при смыслѣ на авторитетъ справедливости матери Митрофаніи, чтобы Солодовниковъ отъ 900/т. своего состоянія пожертвовала 1.200.000. Вотъ гдѣ зародилось сомнѣніе“.

Сомнѣніе это повело къ слѣдствію, обвиненію Митрофаніи въ подлогѣ векселей, ея аресту, а затѣмъ и къ суду, подробности котораго изложены въ книгѣ Е. П. Забѣлиной подъ заглавіемъ «Дѣло игуменъ Митрофаніи».

солнцу, лунѣ, звѣздамъ, или идоламъ. Св. Евангелія они не знали, рождались во тьмѣ, воспитывались во тьмѣ и, не бывъ освящены св. крещеніемъ, они жили и ходили во мракѣ. Но вѣрующимъ въ Спасителя міра, въ ученіе Его, страшно становится при размышленіи объ ученіи нашихъ современныхъ проповѣдниковъ, по имени только христіанъ. Если бы мы слышали отъ самоѣдовъ что-нибудь въ родѣ того, что челоуѣкъ происходитъ отъ обезьяны, то это было бы не удивительно, потому что мракъ невѣжества все прощаетъ; но когда мы слышимъ это отъ нашихъ современныхъ христіанъ-педагоговъ, невольно даемъ преимущество алеутамъ и самоѣдамъ; ихъ невѣжеству мы не удивляемся и жалѣемъ, какъ не удостоившихся получить еще св. крещеніе. Но отвратительно слышать такого рода ученіе изъ устъ современныхъ христіанъ, отвергающихъ существованіе Бога, даровавшаго имъ жизнь.

И вотъ въ эту эпоху безвѣрія и разврата, волею благочестивой государыни нашей, вѣрующей въ ученіе Христово, являются епархіальныя общины сестеръ милосердія, учрежденія, своей благотворительной дѣятельностью угрожающія распаденію нигилизма. Это поняли тѣ, которымъ не нравилось это нововведеніе, и возбудили дружное возстаніе противъ меня, учредительницы этихъ общинъ. Тяжело мнѣ, я одна борюсь съ этимъ моремъ вольнодумства, и чѣмъ это все кончится, не знаю. Знаю только то, что я буду бороться до конца, не сойду сама со креста, пока не сведутъ меня тѣ, которые меня на оный пригвоздили, не съ цѣлю моихъ страданій, а съ цѣлю блага общественнаго.

Такъ думалось мнѣ сегодня, такъ думается мнѣ очень часто, такъ размышляла я долго вчера, послѣ слышанія въ трапезѣ житія св. Василія Великаго.

3-го января. Сегодня я была особенно обрадована извѣщеніемъ, что Псковская духовная консисторія, указомъ отъ 28-го декабря, извѣстила Псковскую общину сестеръ милосердія, что ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ благоугодно было возложить на г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода званіе почетнаго члена Псковской Иоанно-Ильинской общины сестеръ милосердія. Такая милость государыни конечно упрочитъ благосостояніе этого учрежденія, главное тѣмъ, что этимъ распоряженіемъ доказывается, насколько ея величество цѣнитъ участіе графа (Д. А. Толстаго), слѣдовательно и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствуютъ благосостоянію общины. Воображаю, какъ во Псковѣ это извѣстіе не понравится. Тамъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, энергично распространяется молва, что я учреждаю эти общины, по моему собственному желанію, изъ корысти и честолюбія, чтобы выказывать себя. Тамъ говорятъ, что ея величество настолько мною довольна, что перестала даже меня принимать, что я нахожусь подъ судомъ, что община Псковская въ скоромъ времени должна будетъ за-

крыться и что я въ благотворительной помощи не нуждаюсь болѣе и пр. пр. Все это говорится, конечно, съ цѣлю удалить благотворителей и подорвать мѣстное народное ко мнѣ довѣріе. Разными газетными статьями стараются гласно очернить меня; однимъ словомъ, всѣми силами, во всѣхъ слояхъ общества имѣются агенты тайные и явные, которые стараются мѣшать моей дѣятельности клеветою. Неоднократно мои недоброжелатели закидывали меня грязью, возносили на меня гнусную ложь и даже обвиняли въ подлогахъ. Епархіальные общины ихъ волнуютъ, они предвидятъ ихъ процвѣтаніе, потому что купечество русское не поетъ еще ихъ преступную пѣснь, старики и старушки даютъ мнѣ деньги для учрежденія общинъ, они вѣрятъ и понимаютъ, что я всѣ эти скорби переношу изъ любви къ моему отечеству. Да, при такихъ чувствахъ, тяжело быть непонятой одними, оклеветанной другими, еще болѣе тяжело видѣть застои въ дѣлахъ. Грустно видѣть, какъ личные интересы заглушаютъ интересы общественные. Публицисты въ родѣ Гиларова-Платонова ¹⁾, въ родѣ Скворцова, собирающаго всѣ городскія сплетни для пополненія столбцовъ въ его ежедневной газетѣ, и другихъ имѣютъ право гласнаго слова. Нашу современную печать я уважать не могу и ежедневно испытываю на себѣ, насколько она лжива, пристрастна, а главное корыстолюбива, особенно у насъ въ Москвѣ. Здѣсь однѣ «Московскія Вѣдомости» держатъ себя благородно, хотя и не всегда безпристрастно. Но все-таки эту газету уважать должно.

25-го февраля. Пришли мнѣ доложить о прїѣздѣ ко мнѣ изъ Орла И. П. Драгоманова, кандидата правъ, прикомандированнаго къ орловскому окружному суду и приглашеннаго мною для составленія апелляціонной жалобы по иску съ Солодовниковыхъ 480.000 р. Бумаги, относящіяся до этого дѣла, были у меня разложены, и Драгомановъ сталъ ихъ перелистывать. Въ это самое время мнѣ доложили, что изъ Москвы прїѣхалъ прокуроръ Московскаго окружнаго суда Жуковъ, слѣдователь Спасскій и вмѣстѣ съ ними исправникъ г. Серпухова, съ которымъ, по его недавнему назначенію, я не была еще знакома. Такъ какъ за нѣсколько дней до того было напечатано въ одной изъ московскихъ газетъ, кажется въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», что я арестована, или что-то предвѣщающее слѣдствіе и арестъ, то я соображала причину ихъ прибытія.

Поздоровавшись съ ними, я спросила о причинѣ ихъ визита и получила отвѣтъ, что они прїѣхали по порученію петербургскаго слѣдователя 13-го участка для предъявленія мнѣ векселей Лебедева. Одновременно съ этимъ я вынесла нѣсколько бумагъ, писанныхъ Солодовниковымъ, и, показывая ихъ г. прокурору, спросила его, не знаетъ ли

¹⁾ Редакторъ „Современныхъ Извѣстій“.

онъ, по какому это поводу господинъ предсѣдатель Лавровъ, передъ засѣданіемъ по иску моему съ Солодовникова, вызвалъ къ себѣ въ кабинетъ моего повѣреннаго И. П. Архипова и далъ ему инструкцію, что можно говорить и чего нельзя говорить на судѣ. Я видѣла, что этотъ вопросъ сильно ихъ покорибилъ, точно такъ же, какъ и заявленіе мое, что безъ депутата допрашивать меня нельзя. Они простились со мною и уѣхали, получивъ отъ меня обѣщаніе, что черезъ два дня я буду въ Москвѣ, и что депутатъ будетъ избранъ моимъ начальствомъ къ 1-му марта.

19-го марта, пріѣхавъ изъ Серпухова въ Москву, я прямо съ вокзала поѣхала по дѣламъ обители въ Московскую духовную консисторію, а оттуда отдохнуть въ Страстной монастырь къ игуменіи Валеріи, и у нея я ночевала. Тутъ я узнала, что наканунѣ г. прокуроръ, слѣдователь и полиційместеръ пріѣзжали въ общину. Тогда я поняла, но не хотѣла воспользоваться моею свободою. Мнѣ совѣтовали, не заѣзжая въ общину, ѣхать прямо въ Петербургъ и заявить обо всемъ бывшему тамъ нашему митрополиту, но я, предпочитая не бороться съ тѣмъ, что предуготовляетъ мнѣ милосердная десница Всевышняго, поѣхала домой въ общину и написала официальное письмо слѣдователю, съ увѣдомленіемъ о моемъ возвращеніи изъ Серпухова въ общину. Черезъ нѣсколько часовъ слѣдователь пріѣхалъ, и я, въ 4 часа дня 20-го марта, была арестована. Причина ареста мнѣ объявлена не была. Чтобы меня взять на поруки, московскій купецъ А. И. Поповъ, далъ заимообразно 30 тысячъ рублей, но этотъ залогъ не былъ принятъ, слѣдовательно и на поруки меня не отпустили.

Итакъ, газетныя предсказанія сбылись. Подпольная адская интрига великихъ и малыхъ міра сего принесла имъ давно желанныя плоды. Я арестована, а за что? почему? и для чего? Арестъ есть мѣра не наказанія, а лишь только пресѣченія обвиняемому возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, но эта мѣра принимается лишь только тогда, когда дѣйствительно есть опасеніе, что обвиняемый способенъ принять мѣры къ бѣгству или тому подобному. Относительно меня такія опасенія были напрасны. Арестъ я встрѣтила совершенно спокойно, и мнѣ странно только то обстоятельство, что мое начальство о моемъ арестѣ ничего мнѣ не сообщило. Неужели жъ прокуроръ имѣлъ власть арестовать меня, не имѣя на то согласія моего начальства—я вѣдь на должности, имѣю счастье служить подъ покровительствомъ ея величества; неужели же такое самоволіе дозволено закономъ? Удивляюсь содержанію письма преосвященнаго Леонида, помѣченнаго нынѣшнимъ 20-мъ марта; онъ мнѣ пишетъ, что я напрасно думаю, что мое епархіальное начальство равнодушно ко мнѣ. Напротивъ, говоритъ онъ, оно принимаетъ самое горячее участіе въ дѣлѣ моемъ, и все, что возможно,

будеть сдѣлано. Что же касается до отзывовъ людскихъ, то исходящее отъ людей, дѣла незнающихъ, не должно смущать никого, и онъ отъ всей души желаетъ мнѣ мира и благоуспѣшности.

Полиція окружила общину. Жила я спокойно, только никуда не могла выѣзжать, не выходила даже въ садъ, а только была въ церкви, гдѣ стояла въ темномъ уголкѣ за алтаремъ, въ совершенномъ уединеніи. Насталъ день Святой Пасхи, тяжелъ онъ былъ для меня, однако же ради торжества я вышла въ храмъ и по обычаю христіанскому христосовалась со всѣми сестрами и дѣтьми. Когда кончилась въ общинѣ утренняя и обѣдня, я пошла къ себѣ въ келлію, куда пришли Поповъ съ семействомъ и нѣкоторые изъ живущихъ въ обители монахинь. Въ 5-мъ часу утра пріѣхала ко мнѣ прямо изъ церкви игуменья Валерія, мы разговлялись выѣстѣ, съ вечера прислалъ мнѣ просфору и поздравленіе преосвященный Леонидъ.

11-го апрѣля явился ко мнѣ чиновникъ полиціи съ повелѣніемъ сейчасъ собираться и ѣхать съ нимъ въ С.-Петербургъ по вызову слѣдователя. Въ то время былъ у меня докторъ, который ему заявилъ, что я неадорова и нужно было бы мнѣ пробыть дня два еще дома. Но посланный отъ оберъ-полиціймейстера Арапова требовалъ немедленнаго выѣзда, или отправленія въ тюремную больницу. Тутъ былъ и частный приставъ Лефортовской части, угрожавшій мнѣ тѣмъ же. Они послали за штатнымъ врачомъ Лефортовской части, Львовымъ, который заявилъ, что я ѣхать могу. Тогда я, больная, была взята прямо съ постели и перевезена подъ надзоромъ полиціи на вокзалъ Николаевской дороги. Игуменья Валерія, бывшая у меня въ то время, рѣшилась сама, не сказавши у себя дома, поѣхать проводить меня до Петербурга. Со мною поѣхалъ и повѣренный мой Драгомановъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, полицейскій чиновникъ хотѣлъ вести меня прямо въ окружный судъ къ слѣдователю и только обѣщанная благодарность могла убѣдить его дозволить мнѣ остановиться въ гостиницѣ, чтобы немного отдохнуть. Извозчикъ повезъ насъ въ гостиницу «Москва», а мой повѣренный поѣхалъ въ судъ заявить слѣдователю, что я пріѣхала и гдѣ остановилась. Черезъ часа два послѣ того пріѣхалъ слѣдователь Руссиновъ и приставилъ къ дверямъ околичнаго надзирателя. Игуменья Валерія, простившись со мною, поѣхала обратно въ Москву съ отходящимъ первымъ поѣздомъ. Драгомановъ тоже уѣхалъ, а пріѣхавшіе со мною мать Анатолія и Магдалина заявили слѣдователю готовность принять и для себя всѣ условія ареста. Въ тотъ же день въ 4 часа пріѣхалъ ко мнѣ прокуроръ С.-Петербургскаго окружнаго суда А. Ѳ. Ковя, прося въ случаѣ какой-либо надобности адресоваться къ нему, и обѣщавъ устроить все къ моему спокойствію. Одинъ видъ этой благородной личности и его приемы доказали мнѣ, что онъ съ достоинствомъ проходитъ свое трудное служеніе. Я видѣла,

*

что это человѣкъ съ сердцемъ, желающій открытія только одной истины; я видѣла, что онъ молодъ годами, но старъ разумомъ.

13-го апрѣля былъ первый допросъ на моей квартирѣ въ присутствіи прокурора, товарища прокурора и депутата отъ общины, благочиннаго московскихъ монастырей Божоявленскаго монастыря архимандрита Никодима. Строгость страшная, доступа ко мнѣ нѣтъ никакого; околоточный надзиратель смѣнился чиновникомъ полиціи, который сидитъ передъ входомъ въ наши номера. У меня номеръ особый во второмъ этажѣ окнами на Владимірскую, а мои монахини помѣщаются въ другомъ номерѣ окномъ во дворъ; между нами коридоръ. Онѣ ко мнѣ безпрепятственно допускаются, и мы дѣлимъ вмѣстѣ наше общее горе и арестъ. Мнѣ разрѣшено посылать посыльнаго за покупками; служителя гостиницы ко мнѣ допускаются. Что будетъ далѣе, не знаю. Митрополитъ Иннокентій сегодня прислалъ мнѣ своего келейника съ просфорою: просфору взяли, а келейника не допустили. Завтра жду втораго допроса; рада ему, чтобы повидаться еще съ многолюбимымъ и уважаемымъ нами архимандритомъ Никодимомъ.

Дѣло мое въ Петербургѣ идетъ хорошо, одно грустно, что до насъ никого не допускаютъ; ежедневно почти допросы, слѣдствіе кончается, я вполнѣ довольна прокурорскимъ надзоромъ и надѣюсь оправдаться. Совѣсть моя чиста, а потому я спокойна, ночи сплю своимъ крѣпкимъ, ничто меня не возмущаетъ; я вкушаю блаженство совершеннаго уединенія. Близкіе мнѣ дали на дорогу 500 р.; и я ни въ чемъ не нуждаюсь; въ номерѣ чисто и свѣтло, но надѣдаетъ постоянная ѣзда по Владимірской. Одно у меня лишеніе здѣсь,—нѣтъ церкви и общины. Здоровье мое только меня беспокоитъ, ноги сильно болятъ. Въ этой гостиницѣ подаютъ намъ пищу едва-ли не съ мясомъ; рыба накрошена, а жиръ такъ и плаваетъ, другаго ничего нѣтъ, уха дорога; болѣе питаемся чаемъ. Я плачу за номеръ 4 р. въ день; ковра нѣтъ, едва какой-то выпросила; ну, все равно, только бы не страдали отъ холода мои больныя ноги.

27-го апрѣля, гостиница «Москва». Слѣдствіе, слава Богу, окончено, быть можетъ, скоро возвращусь въ мою родную обитель въ дорогой мой Владычный (монастырь), для благосостоянія котораго я такъ много и съ такою любовью трудилась.

19-го іюня, гостиница «Москва». Сегодня вдругъ являются ко мнѣ товарищъ прокурора Вильямсонъ и слѣдователь Руссиновъ съ полиціей и объявляютъ, что по требованію московской судебной власти они должны произвести обыскъ въ моей квартирѣ. Вѣроятно, прокуроръ Жуковъ заподозрилъ пріѣздъ ко мнѣ игуменіи Валеріи и думалъ, что она привезла мнѣ какіе-либо документы, или же я ее вызвала, чтобы ей что-либо передать. Искавшіе положительно ничего не нашли, и я очень бла-

годарна прокурору и слѣдователю: они всѣ бумаги мои прошнуровали, сдѣлали имъ опись, выдали мнѣ росписку и сказали, что такъ какъ онѣ вовсе не относятся къ производящимся дѣламъ, то, чтобы я подала имъ прошеніе о возвращеніи взятыхъ ими бумагъ.

24-го іюня, гостиница «Москва». Сегодня мнѣ принесли газеты; изъ нихъ я узнала, что былъ обыскъ у меня въ келліи моей въ Серпуховѣ 17-го іюня, а 18-го въ общинѣ. Газеты врутъ, но неужели жъ я буду внимать крику безумной толпы, кричащей безъ своего собственного соображенія вслѣдъ за закупленными редакторами и репортерами. Охъ, эта гласность—ее обращаютъ во зло. Человѣкъ, какъ я, вращавшійся во всѣхъ сферахъ русскаго общества, можетъ о томъ судить болѣе другихъ. Нынѣ все возстало противъ дворянства, и все мое преступленіе состоитъ въ томъ, что въ монашеской рясѣ я все-таки принадлежу къ числу столбовыхъ дворянъ, къ числу аристократовъ. Это есть мое первоклассное преступленіе, второклассное—моя возможность доводить до высшихъ сферъ то, что анти-религіозное стремленіе желаетъ отъ нихъ скрыть. Прозелитамъ ненавистна моя дѣятельность клонящаяся не ко вреду, а ко благу нашего дорогаго отечества.

Надоѣла стукотня уличная, неумолкающая день и ночь; страдаемъ отъ жары, духоты, уличной пыли и уличной суматохи.

10-го іюля, гостиница «Москва». Завтра я должна подъ стражею ѣхать въ Москву, по милости московской судебной власти составившей себѣ планъ для моей, ими задуманной, гибели. Братъ меня убѣждалъ просить дозволенія остаться здѣсь, просить о томъ, чтобы дѣла мои всѣ переведены были въ Петербургъ, но я при всемъ моемъ желаніи не могу здѣсь болѣе жить: средствъ у меня нѣтъ, занять нельзя, мое начальство подъ давленіемъ московскаго прокурорскаго надзора боится подать мнѣ руку помощи, чѣмъ же я здѣсь буду жить? Тамъ хоть у меня родной очагъ, даровое содержаніе и помѣщеніе, тамъ св. храмъ, тамъ я въ своей монашеской средѣ, тамъ я дома. Нѣтъ, уѣду завтра, положусь на волю Всевышняго, будетъ то, что Ему угодно. Скамья подсудимыхъ, говорятъ, готовится мнѣ въ Москвѣ, а до того помѣщеніе въ Суцеской части; ну, что жъ дѣлать! я вѣдь монахъ, тотъ же солдатъ, который проходитъ во всю свою жизнь искусъ послушанія и всякаго рода лишеній. Итакъ прости, гостиница «Москва».

Благодаря человѣколюбію прокурора А. Ѳ. Кони, я отпущена была въ городъ Тихвинъ, куда желала ѣхать помолиться чудотворному образу заступницы вѣрныхъ. Игуменія Валерія, Магдалина и Андріана со мною поѣхали, сопровождалъ насъ чиновникъ Павловъ. Приѣхавъ на вокзалъ, публика съ удивленіемъ на меня смотрѣла. Въ вагонѣ 1-го класса нашелся изъ числа пассажировъ какой-то назойливый господинъ; онъ сталъ презрительно относиться въ моемъ присутствіи о монашествѣ,

говорить насмѣшливо обо мнѣ, постоянно обращаясь съ вопросами къ нашимъ послушницамъ, которыя, наконецъ, не стали ему отвѣчать. Этотъ господинъ былъ очень прилично одѣтъ, нѣкоторыя отличія, какъ наприимѣръ, ленточка Владиміра въ петлицѣ, свидѣтельствовали, что онъ былъ челоувѣкъ служащій. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, изъ его разговоровъ, въ которые я вслушивалась, можно было заключить, что онъ принадлежитъ къ высшему слою петербургскаго общества. Говоря съ сосѣдомъ, онъ всматривался въ меня и нѣтъ-нѣтъ, а сведеть разговоръ о «Московской гостиницѣ». Я притворилась заснувшею, мнѣ хотѣлось знать о слухахъ городскихъ, провѣрить ихъ. Разговоръ начался по-нѣмецки, онъ, вѣроятно, думалъ, что я уснула, а мои спутницы не поймутъ. Тогда разговоръ его меня еще болѣе заинтересовалъ, и я долго не открывала глазъ. Изъ этого разговора я узнала, что московской прокуратурѣ я обязана арестомъ.

Вскорѣ свистокъ возвѣстилъ о нашемъ приближеніи къ станціи, я открыла глаза: это была станція Чудово, мы вышли и должны были направиться по пути къ городу Тихвину.

Слава и благодареніе заступницъ нашей Пресвятой Богородицѣ; она привела меня въ ея святую обитель; не могла я стоять равнодушно передъ Пречистымъ Ея Образомъ, слезы невольно катились изъ глазъ; вотъ уже 3 мѣсяца, какъ меня отъ св. храма оторвали. Приѣхали мы прямо къ вечернѣ; что перечувствовала душа моя, это знаетъ Царица Неба и земли, ей всѣ сокровенныя наши думы открыты, она видитъ все, и слезы мои и молитвы за того, кто меня сюда отпустилъ. Молилась я горячо за раба Божія Анатоля, за раба Божія Алексѣя, за несчастнаго Махалина,—этого узника, терпящаго муку заключенія.

13-го іюля. Москва Владычинская Покровская община. Слава Богу, я опять въ общинѣ; благодаря прокурору А. Ѡ. Кони, я возвратилась изъ Петербурга болѣе спокойнокъ, чѣмъ ѣхала туда. Я не видала ни полиціи, меня провожающей, ни оскорбленій на пути. Чиновникъ полиціи Тутоминъ ѣхалъ въ другомъ вагонѣ, ему дана была инструкція и письмо къ исправляющему должность прокурора Рынкевичу. Вѣроятно, попеченію А. Ѡ. Кони я обязана, что меня повезли не прямо въ Сущевскую часть. Изъ Петербурга отпущена я безъ почета, а въ Москвѣ, по милости вѣроятно оберъ-полицеймейстера Арапова, и встрѣчена двумя частными приставами, двумя квартальными, всѣ въ формѣ, всѣ отдавали мнѣ честь, городовые также... Была ночь, я приѣхала съ послѣднимъ поѣздомъ для того, чтобы всѣ въ это время спали, и я могла бы сама до утра уснуть и отдохнуть отъ всѣхъ душевныхъ волненій, чтобы приготовить себя къ новымъ волненіямъ при встрѣчѣ съ дѣтьми и сестрами.

Свиданіе было трогательно, я не могла удержаться отъ слезъ, когда

эти крошки бросались меня цѣловать и, можно сказать, душить своими поцѣлуями, обвивая мою шею своими рученками. Стражи здѣсь нѣтъ, а у воротъ стоитъ городской, другой прогуливается по полотну желѣзной дороги. Странно, что его туда какъ вывѣску поставили. Неужели жъ думаютъ, я и подъ рельсы кинусь или начальникъ Рязанской желѣзной дороги приготовить мнѣ вагонъ и будетъ способствовать моему побѣгу. Страхъ этотъ только простителенъ старушкѣ Москвѣ.

Не буду говорить о томъ, какъ разбиралось мое дѣло, объ этомъ слишкомъ много было въ то время писано вездѣ, и безъ меня известно со всѣми подробностями. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и судъ постановилъ: лишивъ всѣхъ лично и по состоянію мнѣ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать въ Енисейскую губернію съ запрещеніемъ выѣзда въ теченіе 3 лѣтъ изъ мѣста ссылки, и въ теченіе одиннадцати лѣтъ въ другія губерніи. Во время совѣщанія присяжныхъ засѣдателей мнѣ было объявлено постановленіе суда о томъ, что такъ какъ у судебного слѣдователя 5-го участка производится новое слѣдствіе по дѣлу о фальшивыхъ векселяхъ на 20.000 руб., то и арестъ мой будетъ продолженъ.

Судьи нашли нужнымъ перевести меня изъ Москвы снова въ Петербургъ, гдѣ я и пробыла вплоть до отъѣзда въ Ставрополь. Изъ всѣхъ моихъ родныхъ одна только родная сестра моя Софья Григорьевна, генеральша Аладьина, хлопотала о моей участи, а чѣмъ ея хлопоты кончились, скажу въ свое время; другая же сестра моя, княжна Дадіанъ, къ моему величайшему огорченію, была уже въ могилѣ.

Искренно говорю, у меня на сердцѣ, легко и душа совершенно спокойна, по крайней мѣрѣ все кончено, и я надѣюсь, что скоро буду совершенно свободна. Во мнѣ въ эти минуты водворились то желанное спокойствіе, которое чувствовалось въ то время, когда вынесли присяжные свой вердиктъ. Мнѣ дорого только вырваться изъ Москвы: меня не страшитъ теперь и Сибирь: тамъ хорошо; читаю теперь описаніе оной и дивлюсь, какъ Россія мало знакома съ этимъ чуднымъ краемъ. Въ Сибири нравы еще не испорчены, и край богатый всѣмъ, а главное богатъ тѣмъ, что тамъ царствуетъ еще простота. Господь внушить государю отпустить меня въ старый Іерусалимъ. Туда стремится моя душа, и я вѣрую и надѣюсь дойти до этого путешествія и тамъ найти среди невѣрныхъ болѣе справедливости, чѣмъ среди православныхъ. Послала прошеніе въ Московскую палату объ освобожденіи меня за поруки, съ приложеніемъ постановленія слѣдователя, обязавшаго меня подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга безъ его разрѣшенія. Не знаю, какъ благодарить этого слѣдователя, также и здѣшнюю петербургскую прокуратуру относительно ихъ ко мнѣ справедливости и безпристрастія.

Слава Богу, дѣло мое дѣйствительно кончается и имѣю надежду скоро сбросить оковы, связывающія меня здѣсь. Завтра меня въ 1-мъ часу вызываютъ въ консисторію для выслушанія указа Свят. Синода, рѣшающаго мою судьбу. Св. священно-мученикъ Анфиногенъ молитвами своими поможетъ мнѣ, надѣюсь, выдержать спокойно и эту пытку, думаю послѣднюю, а можетъ еще и нѣтъ.—Мнѣ велѣно съ собою привезти въ консисторію документы, которые имѣю на мое званіе, на мои должности и на полученіе знаковъ отличія.— Ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ у меня и быть не могло, слѣдовало ихъ требовать изъ Московской духовной консисторіи, они вѣрно забыли, что я не въ своей обители жила, а что изъ тюрьмы меня сюда привезли, какіе же у арестанта бываютъ при себѣ документы? Изъ всего этого можно понять только то, что отберутъ отъ меня кресты и при томъ возьмутъ подписку, что я не буду подписываться игуменьей. Я спокойно встрѣтила этотъ вызовъ, даже обрадовалась оному, какъ предвѣщающему конецъ давно желанный, давно ожидаемый.

Сегодня Магдалина (моя послушница) пріѣхала и привезла мнѣ деньги на дорогу отъ митрополита 300 руб. Я узнала также, что по опредѣленію Св. Синода меня завтра лишаютъ чиновъ и крестовъ; но выѣзжать изъ монастыря мнѣ запрещено.

1 6-го іюля 6 часовъ утра. День этотъ для меня есть избавленіе отъ ругъ судейской клиры.

Съ меня взяли въ консисторіи подписку, что я не буду подписываться монахиней и игуменьей Митрофаніей, а въ официальныхъ бумагахъ именоваться должна баронессой Прасковьей Григорьевной Розенъ. Значитъ, я высокопревосходительная, правъ состоянія не лишена. Кресты и камлавку мнѣ велѣли снять, и я надѣла маленькую шапочку. Кресты, какъ мою собственность, мнѣ возвратили съ обязательствомъ не носить ихъ. Тогда я заявила, что, обрекая себя на жизнь отшельническую, я желаю ими распорядиться какъ бы послѣ своей смерти. Мнѣ предложили высказать свое желаніе съ тѣмъ, что Синодъ сдѣлаетъ официальное распоряженіе и перешлетъ ордена по назначенію. Я очень обрадовалась и просила письменно крестъ, данный ея величествомъ за Псковскую общину, возложить въ память моихъ трудовъ на икону Великомученика Пантелеймона въ Псковскую общинскую церковь въ иконостасъ; наперсный крестъ, данный мнѣ Синодомъ за Владычный монастырь, на икону Введенія въ соборномъ храмѣ, а бронзовый общинскій—въ церковь общины на храмовую икону Воскресенія Христова. Потомъ я просила членовъ Св. Синода помолиться обо мнѣ, помянуть меня въ ихъ молитвахъ, чтобы я въ будущемъ несла съ покорностію мой крестъ, какъ несла его доселѣ; заявила еще разъ о моей невинности и о томъ, что я со-

вершено спокойно принимаю волю царя, сознавая монашество не въ одеждахъ монашескихъ, а въ обѣтахъ.

Хлопоты родной сестры моей Софьи Григорьевны Аладыной увѣнчались успѣхомъ. Мнѣ было объявлено, что я вмѣсто ссылки въ Сибирь могу ѣхать въ Ставрополь Кавказскій безъ права выѣзда оттуда, впредь до особаго на то разрѣшенія. Тутъ же былъ мнѣ врученъ маршрутъ, по которому я должна была ѣхать. Порядокъ моего путешествія до Ставрополя былъ довольно своеобразный, а именно: на Рыбинскъ, Ярославль, Кострому, Нижній, Казань, Симбирскъ, Самару, Саратовъ, Царицынъ, оттуда до Калача по желѣзной дорогѣ, потомъ по Дону до Ростова, затѣмъ по желѣзной же дорогѣ до Невинномысской станціи, гдѣ въ экипажѣ нужно ѣхать до Ставропольскаго монастыря 60 верстъ.

Вчера ко мнѣ пріѣзжалъ вице-губернаторъ объявить, что я могу ѣхать, когда хочу. Я заявила желаніе выѣхать 23-го числа.

V.

Путешествіе до Ставрополя-Кавказскаго.— Жизнь въ немъ.— Переходъ въ Ладинскій монастырь Полтавской губерніи.— Разрѣшеніе Митрофаніи проживать въ разныхъ губерніяхъ Россіи.— Жизнь въ Одессѣ, въ Дально-Давыдовскомъ монастырѣ Нижегородской губерніи и въ Усманскомъ Тамбовской губерніи.— Разрѣшеніе отправиться въ Иерусалимъ къ Гробу Господню.

25-го іюля въ 9 час. нашъ пароходъ присталъ къ пристани въ Рыбинскѣ. День былъ чудный. Вчера изъ Бологова намъ дали отличный вагонъ, и ночью я отдохнула; пріѣхали мы въ Рыбинскъ въ 10-мъ часу утра. Въ дамской комнатѣ я умылась, одѣлась и напилась чаю, а въ часъ мы были уже на пристани пароходнаго общества «Самолетъ». Въ 3 часа мы отправились далѣе. У меня каюта на два человѣка, и мы съ Магдалиной (моя келейная) будемъ покоиться ночь: я въ каютѣ, а она въ общей залѣ, гдѣ мы тоже однѣ, такъ какъ на наше счастье дамъ нѣтъ на пароходѣ. Берега Волги восхитительны. Я сидѣла довольно долго на палубѣ съ двумя весьма пріятными кавалерами: одинъ симбирскій купецъ, другой ярославскій житель. Признаюсь, я рада этому неожиданному путешествію по водѣ, мнѣ отраднo освѣжиться послѣ столькихъ лѣтъ заключенія. Я всегда любовалась Невой, но что Нева противъ матушки-Волги!...

Ночь теплая, на берегу виднѣются огни, разводимые рыбаками; на мачтахъ барокъ, какъ звѣздочки, горять фонари; все располагаетъ къ мечтамъ, и мои мысли быстрѣй парохода несутся вдоль по матушкѣ по

Волгѣ, несутся и за Азовское море, перелетаютъ горы Кавказа... Не давить теперь меня тягость прокурорскаго и инаго надзора, и неволью сердце радуется и хвалитъ Творца. Вчера вечеромъ сильная гроза и молнія вызвали меня на палубу, любоваться дивною картиною. Николо-Бобаевскій монастырь, гдѣ находится могила преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, освящался мгновенно и ежеминутно сверкающей молніей.

Въ 3 часа ночи мы пріѣхали въ Кострому. Кострома съ своими древними монастырями и церквями, за нею на берегу убогая татарская деревушка съ своею мечетью и кладбищемъ; на противоположномъ берегу села и помѣщичьи усадьбы, лѣса, поля, горы, пасущіяся стада— все это составляетъ очаровательную картину, и тотъ, кто не былъ на Волгѣ, не имѣетъ понятія о Россіи. Здѣсь сердце Россіи, здѣсь и народъ, по мѣрѣ удаленія отъ столицъ, лучше, добрѣе, много проще и честнѣй.

Слава Богу, теперь ѣду на покой, ѣду въ край далекій, гдѣ надѣюсь имѣть возможность забыть обо всѣхъ, даже газетъ кромѣ «Церковнаго Вѣстника» и «Дневника писателя» ¹⁾ никакихъ получать не хочу, жизнь свою теперь устрою такъ, какъ давно желалось.

К а з а н ь 11 ч. утра.—Сильный вѣтеръ наводитъ на меня грусть; въ 10 часовъ сошла въ свою каюту, спросила чаю, и Магдалина и Захарія ночевали въ каютѣ рядомъ, на наше счастье пустой. Спала спокойно, въ 7 часовъ проснулась и, напившись чаю, пошла на верхній балконъ, чтобы полюбоваться Волгой и посмотреть хотя издали на городъ, который отъ пристани за 6 верстъ, но онъ на полторѣ, и его видно отлично съ помощью подзорной трубки. Вчера на балконѣ я встрѣтилась съ ставропольскимъ (кавказскимъ) жителемъ, и всѣ рассказы о монастырѣ благоприятны; всѣ хвалятъ мѣстность и вообще городъ, начальство и монастырь. Что встрѣтитъ меня тамъ,—увидимъ; надѣюсь, что буду жить покойно, ни мало не пожалѣю о прежнемъ.

Въ Казани многіе сѣли на пароходъ, и я принуждена скрыться въ моей каютѣ одна. Съ народомъ, особенно съ барышнями, сидѣть не люблю, потому что онѣ много болтаютъ.

С ы з р а н ь.—Съ утра не могу оторвать взоры отъ чудной Волги, которая сегодня восхитительна, волнуется, одна волна покрываетъ другую и одна за другою гонятся, и брызги ихъ долетаютъ даже до моей каюты, такъ что, стоя у окна, я отлично выкупалась и освѣжилась какъ бы подъ дождемъ. Эти два дня пассажировъ очень много; я не хочу лѣзть имъ на глаза, и такъ уже надоѣли, точно на звѣря приморскаго смотреть.

¹⁾ Достоевскаго.

Слава Богу, я совершила благополучно путь по Волгѣ. Сегодня воскресенье, пароходъ нашъ причалилъ въ 7 часовъ утра къ пристави Царицына, пробуду на немъ до 12-ти, а въ 2 часа буду катить по желѣзной дорогѣ до Калача; въ 6 часовъ вечера прійдемъ и прямо на пароходъ ночевать, отчалимъ въ 4 часа утра и поплывемъ по Дону, въ Ростовѣ будемъ во вторникъ вечеромъ.

Плыву по Дону съ моими спутниками, и не смотря на то, что два раза нашъ пароходъ садился на мель, мы совершаемъ путешествіе пріятно и благополучно. Вчера мы стояли на мели очень долго, часа два, не менѣе. Оригинально было видѣть матросовъ, ходящихъ вдоль и поперекъ рѣки, съ шестами и кольями въ рукахъ и размѣряющими глубину. Всѣхъ пассажировъ съ палубы капитанъ попросилъ выйти на берегъ для облегченія парохода. Наконецъ, Богъ помогъ выбраться, и опасность, благодаря находчивости капитана, миновала. Пароходъ поплылъ, и пассажиры были приняты. По случаю мелководья прибудемъ въ Ростовъ вмѣсто вторника въ среду вечеромъ, къ 6-ти часовому поѣзду, идущему въ Ставрополь.

Теперь мы уже на Югѣ; небо лучше, синѣй, солнце горячѣй, а народъ проще и добрѣй. Берега Дона восхитительны, мѣстность, гдѣ расположена станція Цимлянская, очаровательна; виноградники по всему берегу, какъ коверъ разостланъ по горамъ. Тутъ за 5 коп. купили мы фунтъ отличнаго винограду; арбузы и дыни дешевле рѣпы и картофеля.

Въ Ставропольскомъ Іоанно-Маріинскомъ монастырѣ я встрѣтила то, чего и ожидать было нельзя. Не смотря на всѣ рассказы о добродѣтельной игуменіи Серафимѣ, я положительно не рассчитывала на такой истинно сестринскій привѣтъ и покой, я окружена не только вниманіемъ, но даже уваженіемъ, подобающимъ сану игуменни. Милая она старушка, любвеобильная, сердобольная и проходящая, какъ видно, жизнь истинно, а не притворно монашескую. Сестры обители очень ласковы, почтительны, и отъ каждой я и мои келейныя видятъ одну ласку и привѣтъ. Гдѣ кончу жизнь свою? гдѣ и въ какомъ храмѣ будутъ предавать землѣ брѣнные останки мои! Здѣсь дѣйствительно рай, мѣстность великолѣпная, пустыня настоящая, и при этомъ всѣ удобства къ жизни относительно большаго гѣла. Матушка-игуменія уступила мнѣ свои новые покои, только-что для нея отстроенные, и я теперь имѣю утѣшеніе, какъ во Владычнемъ, помѣщаться рядомъ съ святымъ храмомъ: тамъ была дверь, а тутъ окно, которое во время службы открыто; сдѣлана занавѣсъ, и я могу даже утромъ молиться, если бы не была въ силахъ встать, то лежа на моей постели. Если мнѣ понравится и удобно будетъ, то игуменія предлагаетъ мнѣ тутъ жить всегда; но она меня не стѣсняетъ и даетъ право избрать любую келію, или выстроить совершенно новую на счетъ монастыря. Внутри обители версты двѣ есть и

тѣсь, тутъ же и пруды, однимъ словомъ, хорошо. Въ монастырѣ триста сестеръ, храмъ великолѣпный, пѣніе очень стройное, голоса отличные и вообще порядокъ во всемъ. Казначей—старушка добрая, и на мое счастье была еще у матери моей, когда мы жили въ Москвѣ, знаетъ мою сестру и меня, когда я еще была въ міру.

Прожила я въ Иоанно-Маріинскомъ монастырѣ два года съ 1877 г. по 1879 г. Жизнь моя шла изо-дня въ день, совершенно однообразно, тихо и покойно. Я занималась духовною живописью, устроила при обители школу; между сестрами нашлись такія, которыя съ душою и искреннимъ желаніемъ стали заниматься со мной. Между ними оказались нѣкоторыя умѣющія писать иконы, я научила ихъ, какъ золотить и чеканить (т. е. по золоченому дереву выбивать узоры); все это было для меня дѣломъ хорошо знакомымъ, потому что я сама изучила всѣ эти работы у очень хорошихъ мастеровъ.

Благодаря энергіи и упорному труду сестеръ обители, дѣло пошло настолько хорошо, что черезъ годъ были у насъ свои мастерскія, гдѣ исполнялись дѣлѣе иконостасы. Заказовъ было много, такъ какъ нигдѣ еще въ Кавказскихъ монастыряхъ не было иконостасныхъ мастерскихъ. Такъ проходили мѣсяцы, и жизнь моя текла очень покойно.

Въ октябрѣ 1878 года былъ присланъ указъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ говорилось, что духовная сестра моя переводится въ Ладинскій монастырь Полтавской губерніи Прилужскаго уѣзда. Какъ ей бѣдной не хотѣлось разставаться съ сестрами обители, но приказаніе Синода нужно было исполнить, и къ Рождеству она должна была уже быть на мѣстѣ и принять монастырь отъ бывшей игуменіи, которая по болѣзни не могла болѣе управлять монастыремъ и просилась на покой. Насталъ день ея отъѣзда. Мы вмѣстѣ съ игуменьею поѣхали къ ней въ монастырь, чтобы проститься; её любили и уважали не только сестры обители, но и окрестные жители. Съѣхалось такое множество, что игуменская келія не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ проститься съ уѣзжающей матушкой-игуменьею. Прощаніе съ духовной сестрой такъ меня разстроило, что я не въ состояніи была проводить ее. Вернувшись въ монастырь, я слегла въ постель и пролежала два дня.

Я съ нетерпѣніемъ ждала отъ нея письма. Помню, сижу я въ своей келіи и пишу икону, смотрю: входитъ добрая моя матушка-игуменья съ улыбающимся лицомъ и подаетъ мнѣ письмо; какъ я была рада получить извѣстіе отъ дорогаго мнѣ человѣка. Слава Богу, ей понравился монастырь, только одно не хорошо—мѣстность низменная и болотистая, монастырь очень большой и благоустроенный, есть много разныхъ угодій, полевое хозяйство, все сдѣлано очень солидно и толково, казначей милая и добрая. Оставшись безъ друга, я все время кромѣ церковныхъ службъ занималась съ сестрами обители, составляли рисунки

иконостасовъ, заказы на которые все увеличивались. Теперь уже до 10 сестеръ пишутъ иконы и столько же занимаются позолотой и чеканкой. Монастырь выписалъ знающаго мастера для рѣзной работы; его мастерская помѣщается за оградой монастыря въ особомъ отведенномъ домѣ.

Между тѣмъ я получила письмо отъ духовной сестры, въ которомъ она пишетъ, что хорошо бы было, еслибы я сама могла устроить такъ, чтобы меня перевели къ ней; что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою, и хотѣлось бы послѣдніе дни жизни провести вмѣстѣ. Я рѣшилась просить о томъ нашу добрую государыню черезъ сестру мою Аладьину, и къ великому счастью для насъ обѣихъ, т. е. для духовной сестры моей и для меня, императрица разрѣшила переѣхать на жительство въ Ладинскій монастырь.

Переѣздъ мой совершился очень быстро, и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 г. я была у всенощной вмѣстѣ со своей духовной сестрой въ Ладинскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ совершилось то, чего и нужно было ожидать. Переводъ съ Кавказа сильно разстроилъ и безъ того слабое здоровье духовной сестры моей, а сырой и болотистый климатъ свелъ ее въ могилу. Съ ея смертію для меня монастырь Ладинскій потерялъ всякое значеніе; жить въ немъ было пыткой. Все то, что я устроила, и что раньше меня интересовало, теперь стало для меня тяжестью; я уже не ходила въ школу шелководства, гдѣ прежде проводила цѣлые дни. Теперь моимъ излюбленнымъ мѣстомъ была могила духовной моей сестры. Однажды, когда я сидѣла на ея могилѣ, плакала и какъ бы совѣтовалась съ нею, что я должна теперь дѣлать и гдѣ жить, я совершенно незамѣтно уснула и слышу во снѣ голосъ ея. «Уѣзжай, Митрофанія, отсюда,—такъ нужно. Все устроится къ лучшему, и въ Іерусалимъ поѣдешь». На другой день я получаю письмо отъ сестры Аладьиной, въ которомъ она сообщала радостную вѣсть, что Св. Синодъ разрѣшилъ мнѣ проживать въ разныхъ губерніяхъ Россіи, а вслѣдъ за ея письмомъ я вскорѣ получила и самый указъ Св. Синода. Посовѣтовавшись съ врачами, я рѣшила уѣхать въ Одессу и прожила тамъ около двухъ лѣтъ, имѣя пребываніе частію на Пантелеймонскомъ подворьѣ, а частію на Архіерейскомъ. Дай Богъ здоровья преосвященному епископу одесскому, который помогалъ мнѣ изъ личныхъ своихъ средствъ.

Въ 1888 году я избрала для постоянного жительства Дально-Давыдовскій монастырь, находящійся въ Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ паровой пристани Александрово на р. Окѣ.

Пустынная эта обитель окружена лѣсами, принадлежащими графу Шереметеву. Я написала настоятельницѣ обители о желаніи своемъ поселиться въ этомъ монастырѣ и вскорѣ получила письмо, въ которомъ она приглашала къ себѣ и сообщала, что къ моему приѣзду велѣла го-

товить келію. Встрѣтили меня въ монастырѣ очень радушно. Во время жизни моей въ Давыдовскомъ монастырѣ я часто ѣздила въ Нижній, гдѣ живетъ мой племянникъ князь Анатолій Александровичъ Дадіанъ, сынъ родной сестры моей Лидіи. Я очень сошлась съ его семьей, въ особенности съ его сыномъ, а моимъ внукомъ, Сашей, и очень полюбила его.

Пока я жила въ Давыдовской обители, я написала полную исторію этого монастыря. Въ 1893 году обстоятельства сложились такъ, что я должна была переѣхать въ Усманскій монастырь Тамбовской губерніи; здѣсь я тоже составила лѣтопись этого монастыря. Во время моихъ поѣздокъ по Рязанской дорогѣ, я совершенно случайно познакомилась съ игуменіей Балашовскаго монастыря, матерью Маріей; мы съ ней такъ сошлись и полюбили другъ друга, что я, переѣхавши въ Усмань, часто ѣздила и подолгу жила въ Балашовѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ туда, я заболѣла и очень долго пробыла въ обители. Во время моей болѣзни мы съ матерью Маріей полюбили другъ друга, какъ сестры: она мнѣ замѣнила мою духовную сестру, настолько ее вниманіе и уходъ за мной были родственны и искренни. Тѣмъ временемъ я все же не оставляла надежду на свое путешествіе въ Іерусалимъ и давно еще просила сестру Аладьину хлопотать о пособіи мнѣ на эту поѣздку. По вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, было мнѣ высочайше пожаловано это пособіе и дано разрѣшеніе ѣхать въ Іерусалимъ. Передъ отъѣздомъ мнѣ захотѣлось проститься съ близкими мнѣ, и отправилась изъ Усманскаго монастыря въ Балашовъ, отсюда въ Москву къ сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ Аладьиной, гдѣ пробыла два дня. Заѣхала потомъ въ Нижній, чтобы послѣдній разъ повидаться съ семьей князя Дадіанъ. На возвратномъ пути была въ Павловѣ у семьи покойнаго моего благодѣтеля Якова Ивановича Лабзина, которому я такъ много обязана за его помощь и неоставленіе меня своимъ вниманіемъ. Я писала имъ, что ѣду въ Старый Іерусалимъ и буду у нихъ, чтобы проститься, потому что Богъ знаетъ, вернусь ли я въ Россію.

Итакъ я ѣду въ св. градъ Іерусалимъ, оставляю Россію вѣроятно навсегда. Всѣ мои мученія милостями нынѣ царствующаго Императора кончились, и на пожалованныя имъ мнѣ средства ѣду ко Гробу Господню.

Сообщилъ кн. А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).